

П. О. Сумцовъ.

42138

ПАМЯТИ

профессора

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КИРПИЧНИКОВА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., д. № 5-й.

1904.

Н. Θ. Сумцовъ.

ПАМЯТИ

91
профессора

ЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КИРПИЧНИКОВА.

Проверено
ЦНБ 1939

✓45
Центральная Научная
Библиотека АН УССР
№ 42138

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., д. № 5-й.

1904.

59 49

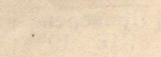
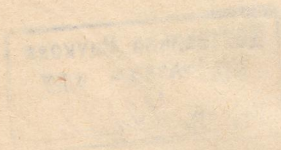
Н. О. Сумцов

ПРИМАН

19

профессор

Отдельные оттиски из Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества т. XIV.

ХАРЬКОВ. И. Н. Талалаев, Харьковская ул. 2 № 2-4

14

80

66 62

Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

I.

Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

(Къ его характеристикѣ по даннымъ «Очерковъ» и по личнымъ воспоминаніямъ).

Извѣстіе о преждевременной и скоропостижной кончинѣ талантливаго профессора А. И. Кирпичникова, въ разцвѣтѣ умственныхъ его силъ, на 58 году жизни, вызвало среди харьковскихъ его учениковъ, друзей и почитателей чувство глубокой горести. Еще такъ недавно онъ стоялъ передо мной въ Румянцевскомъ музеѣ, бодрый, привѣтливый, ласковый, еще такъ недавно вышло второе изданіе его статей по исторіи новой русской литературы, и нѣтъ дорогого человѣка, остается одно воспоминаніе, одна память. Грустно А. И. Кирпичниковъ былъ профессоромъ въ Харьковѣ, Одессѣ, Москвѣ, и гдѣ бы онъ ни работалъ, всегда и повсюду вокругъ него группировались кружки научныхъ и общественныхъ дѣятелей; вездѣ онъ вносилъ свѣтъ научнаго знанія и теплоту дружескихъ, сердечныхъ отношеній. Какъ натура живая, дѣятельная, отзывчивая, А. И. обладалъ рѣдкимъ даромъ инициативы, и хотя въ Харьковѣ онъ лишь начиналъ свою научно-просвѣтительную дѣятельность—это было около 30 лѣтъ тому назадъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ, но и въ Харьковѣ А. И. былъ двигателемъ и творцомъ цѣлаго ряда полезныхъ и симпатичныхъ научно-просвѣтительныхъ начинаній. Достаточно вспомнить, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ инициаторовъ и устроителей Историко-филологическаго Общества, хлопоталъ о музеѣ изящныхъ искусствъ, читалъ популярныя научныя лекціи, устраивалъ студенческія собесѣдованія, охотно раздавалъ студентамъ изъ своей богатой библіотеки спеціальныя научныя изслѣдованія. Уже въ то время въ лицѣ А. И. ярко выступалъ «талантливый историкъ всеобщей литературы», какъ впоследствии охарактеризовалъ его С. А. Венгеровъ. Превосходный и выдающійся специалистъ, А. И., вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда чутко прислушивался къ умственнымъ запросамъ времени и, сохраняя независимый образъ мыслей, высоко держалъ знамя научнаго развитія и гуманности.

Въ Харьковскомъ университетѣ А. И. читалъ исторію всеобщей литературы и попутно историческія грамматики романскихъ и германскихъ языковъ. Иногда онъ вводилъ въ счетъ необязательныхъ предметовъ итальянскій языкъ и чтеніе Данта. Въ двѣ-три недѣли студенты справлялись съ основными элементами итальянскаго языка при помощи широкаго сравнительнаго метода изученія. Затѣмъ профессоръ прямо переходилъ къ чтенію и объясненію Данта. Переходъ былъ крутой; но у кого хватало терпѣнія и любознательности выдержать, тотъ былъ вознагражденъ за всѣ трудности. Сначала, дѣйствительно, трудно было справляться съ «Божественной комедіей». Приходилось останавливаться на каждомъ словѣ, постоянно рыться въ словарѣ, заглядывать въ комментаріи и примѣчанія. Работа кропотливая и тяжелая,—но только сначала. Мѣсяць, другой устойчиваго вниманія, и передъ студентами открывался грандіозный міръ дантовскаго ада, обнаруживались непередаваемые никакими переводами красоты дантовской поэзіи. Ознакомившись съ языкомъ Данта, студенты уже совершенно свободно и безъ услугъ лексикона могли читать сравнительно съ нимъ легкіе «Cento novelle» и Декамерона. Въ другіе годы А. И. Кирпичниковъ переходилъ къ языкамъ готскому, древне-верхне-нѣмецкому и средне-верхне-нѣмецкому; тогда штудировались въ подлинникъ Ульфилы, Нибелунги; въ другіе—къ языкамъ провансальскому и древне-французскому, и тогда студенты разбирали образцы французскаго эпоса, преимущественно «Пѣснь о Роландѣ».

Къ молодежи А. И. относился сердечно и любовно. На вечеринкахъ студентовъ-филологовъ онъ былъ непремѣннымъ, дорогимъ гостемъ. Онъ не только училъ, какъ профессоръ, но и самъ учился, какъ студентъ. Такъ, читая студентамъ лекціи по всеобщей литературѣ, онъ вмѣстѣ со студентами ходилъ на лекціи А. А. Потебни и нѣкоторыхъ др. профессоровъ филологовъ и старательно записывалъ, что его интересовало. Понятно, какъ для самихъ студентовъ была дорога и поучительна такая живая научная любознательность. Одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ Россіи, А. И. никогда не считалъ себя таковымъ и всю жизнь продолжалъ учиться и учиться, путемъ неослабнаго чтенія, путемъ частыхъ поѣздокъ за границу и посѣщенія лекцій выдающихся иностранныхъ профессоровъ, посредствомъ собиранія библіотеки и дѣятельной работы въ главныхъ русскихъ книгохранилищахъ—Императорской публичной библіотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ. Вѣра въ науку и жажда знаній сообщили А. И. ту молодость духа, которую онъ сохранилъ до конца дней своихъ, какъ залогъ нравственной силы и глубокаго вліянія на окружающую его общественную среду.

Кругъ научныхъ интересовъ А. И. былъ обширный, и свѣдѣнія его во многихъ областяхъ были глубокія. Такъ, наряду со всеобщей литературой, гдѣ онъ былъ хозяиномъ, гдѣ ему принадлежитъ рядъ крупныхъ изслѣдованій, А. И. глубоко вошелъ въ изученіе исторіи искусства, въ византійскую литературу, въ русскую словесность, какъ древнюю, такъ и новую, въ этнографію. Его интересовали и народная словесность (докторская диссертация о стихахъ о Егоріи храбромъ), и произведенія Гоголя, Писемскаго, Достоевскаго, и памятники старинной русской литературы, число которыхъ онъ увеличилъ самостоятельными находками («Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго»). Съ неослабной пытливостью А. И. входилъ въ изученіе незатронутыхъ или весьма мало разработанныхъ сторонъ науки, напр., въ статьѣ «О взаимодѣйствіи иконописи и словесности».

I.

Въ послѣднее время выпелъ рядъ сборниковъ статей по исторіи новой русской литературы. Нѣтъ надобности доказывать, насколько полезны такія изданія. Они содѣйствуютъ расширенію въ обществѣ историко-литературныхъ интересовъ и свѣдѣній. вмѣстѣ съ тѣмъ, они въ большей или меньшей степени характеризуютъ самихъ авторовъ, ихъ взгляды, кругъ литературныхъ и общественныхъ интересовъ, методологическіе приемы.

Особенно много личного и автобіографическаго въ «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы» проф. Кирпичникова, и это обстоятельство въ настоящее время, по кончинѣ А. И. Кирпичникова, получаетъ особое значеніе для его біографіи, въ виду того, что А. И. Кирпичниковъ разносторонними учеными трудами, многолѣтней профессорскою дѣятельностью, участіемъ въ научно-общественныхъ учрежденіяхъ, сѣздахъ и собраніяхъ стяжалъ симпатіи во всѣхъ тѣхъ университетахъ и ученыхъ обществахъ, гдѣ онъ когда-либо работалъ.

«Очерки» А. И. Кирпичникова первоначально вышли въ 1885 г. въ одномъ томѣ; второе дополненное изданіе разбито на два тома, причемъ первый томъ вышелъ въ 1903 г., при жизни автора, а второй уже послѣ его смерти въ видѣ небольшой книжки. Во второй выпускъ вошли статьи о Пушкинѣ, Чаадаевѣ, Коншинѣ и Мельгуновѣ, причемъ статьи о Чаадаевѣ и Мельгуновѣ составлены по новымъ матеріаламъ.

Въ первомъ томѣ (1—483 стр.) находится 17 статей и предисловіе къ нимъ. Порядокъ размѣщенія принятъ хронологическій: Московскія Вѣдомости въ 1789 г. Кургановъ. А. Погорѣльскій. В. А. Жуковский.

И. А. Крыловъ. О. И. Буслаевъ. В. И. Григоровичъ. «Судъ присяжныхъ въ литер. 30 г.г.» Гоголь и М. П. Погодинъ. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій въ 1847 г. А. В. Дружининъ, Достоевскій и Писемскій, «Горе отъ ума» и «Война и Миръ». Умственная жизнь Одессы въ первое столѣтіе. Хронологическое распредѣленіе статей оказалось несовсѣмъ удобнымъ. Въ первую очередь пошла сухая и вообще мало интересная статья о Моск. Вѣд. 1789 г., въ глубинѣ книги оказались лучшія статьи о Буслаевѣ и Григоровичѣ и почти въ самомъ концѣ интересная параллель «Горе отъ ума и Война и Миръ».

За исключеніемъ двухъ или трехъ статей, остальные не имѣютъ между собой связи. Авторъ, очевидно, не задавался цѣлью объединенія на основаніи общаго плана. Научное значеніе статей опредѣляется преимущественно новизной матеріала. При отсутствіи схематизма сохранены моменты зарожденія всякой отдѣльной статьи, въ связи съ обстоятельствами личной жизни автора или окружавшей его общественности. Нѣкоторыя статьи написаны наскоро, по откровенному признанію самого автора. Александръ Ивановичъ во многихъ случаяхъ съ откровенностью посвящаетъ читателя въ ходъ своей работы; въ одномъ мѣстѣ онъ прямо оговариваетъ, что предложенная статья представляется результатомъ работы въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ теченіе одной недѣли.

Мы не будемъ входить здѣсь въ оцѣнку каждой статьи. Специалисты будутъ съ ними справляться по вниманію къ фактической ихъ сторонѣ. Лучшія статьи могутъ служить пособіемъ при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей, напримѣръ, статьи о Буслаевѣ, Чаадаевѣ и Мельгуновѣ.

Задачи науки вообще, исторіи литературы въ частности, А. И. понималъ широко; всѣ сужденія по этому поводу отличаются свѣжестью, построены на почвѣ гуманизма, воспитаннаго и укрѣпленнаго на лучшихъ университетскихъ традиціяхъ. Не даромъ, А. И. читалъ лекціи въ томъ университетѣ, гдѣ подвизался нѣкогда Грановскій, и былъ любимымъ ученикомъ Буслаева.

Въ статьѣ о В. И. Григоровичѣ А. И. Кирпичниковъ говорить: «Подъ земною корою есть такіе пласты, въ которыхъ органическое тѣло сохраняетъ всѣ краски, всю свѣжесть свою, хотя бы оно пролежало тамъ цѣлыя столѣтія. Для истинныхъ своихъ адептовъ, всецѣло себя отдающихъ, наука есть именно такой пласть, сохраняющій человѣку вѣчную юность». (стр. 204).

Сужденіе это приложимо и къ «Очеркамъ», въ особенности къ сужденіямъ автора о задачахъ науки и искусства.

«Собраніе частныхъ фактовъ, хотя бы и очень назидательныхъ, не есть наука, говоритъ Александръ Ивановичъ въ предисловіи къ «Очеркамъ», а только матеріалъ для науки. Наука должна обобщать ихъ, подвести подъ всеобщіе законы, равно обязательные какъ для прошлаго, такъ и для будущаго. Наука должна предсказывать: въ вѣкъ разума она замѣняетъ собою пророковъ... Исторіи литературы еще далеко до этого; до сихъ поръ сдѣланныя обобщенія часто не выдерживаютъ провѣрки новыми фактами; законы только намѣчены, да и то въ небольшомъ числѣ. Матеріаломъ, повидимому, мы завалены; но матеріалъ, особенно нужный для постановки дѣла, намъ еще приходится изъ земли выкапывать. На строго научный путь, несмотря на 2000-лѣтнюю древность своихъ начатковъ, исторія литературы только теперь начинаетъ выступать. Тѣмъ труднѣе, но за то тѣмъ интереснѣе работать надъ нею (стр. 4)... Исторія литературы, какъ наука, еще въ младенствѣ; но это младенчество не художное, а сильное и многообѣщающее (9)»...

При такой «доброй» точкѣ зрѣнія естественно теряютъ свою остроту соображенія, что не весь собранный матеріалъ очищенъ и провѣренъ, что методы изслѣдованія носятъ слишкомъ субъективный характеръ, что работниковъ сравнительно съ громадой матеріала слишкомъ мало.

Въ приложеніи къ искусству проф. Кирпичниковъ придерживался не менѣе широкихъ взглядовъ. «Долгій споръ о томъ, говорится въ статьѣ о «Войнѣ и Мирѣ», существуетъ ли искусство само для себя, или оно должно проводить въ общество свѣтлыя идеи, по моему мнѣнію, давно уже законченъ такимъ компромиссомъ: если поэтъ хочетъ внушить, доказать извѣстную идею и для нея подбираетъ и пріобрѣтаетъ образы, онъ не даетъ произведенія художественнаго, потому что образы его не будутъ живы. А съ другой стороны образы, хотя бы живые и яркіе, но возникшіе въ фантазіи человѣка, лишеннаго яснаго представленія о добрѣ и злѣ, равнодушно относящагося къ счастью и нравственному совершенству людей, не составляютъ художественнаго цѣлаго. Міръ возсоздаваемый истиннымъ поэтомъ, долженъ быть и живой міръ, и нравственно прекрасный». Можно возражать противъ столь тѣснаго сочетанія эстетики и этики, но нельзя не признать нравственной строгости идеала.

Въ историко-литературныхъ очеркахъ проф. Кирпичникова обнаруживается стремленіе къ реабилитациіи нравственныхъ оцѣнокъ, напр., въ статьѣ о Кургановѣ Кирпичниковъ стремится доказать неосновательность представленій объ этомъ забытомъ ученомъ, какъ о грубомъ, медвѣдеподобномъ чудацкѣ; въ статьѣ о Крыловѣ проводится мысль о литературномъ трудолюбіи знаменитаго баснописца, вопреки сложившемуся о немъ представ-

леніи, какъ о человѣкѣ вообще весьма лѣнливомъ. Слишкомъ иногда строгій въ оцѣнкѣ современныхъ научныхъ и литературныхъ явленій, пр. Кирпичниковъ къ дѣятелямъ далекаго прошлаго относился съ такимъ оправданіемъ, подчасъ съ такимъ предвзятымъ одобреніемъ, которыя приводили автора къ погрѣшностямъ или прямо ошибочнымъ заключеніямъ. Такъ, увлекшись литературными заслугами Перовскаго, пр. Кирпичниковъ и на его административную дѣятельность въ роли попечителя Харьковскаго учебнаго округа посмотрѣлъ слишкомъ одобрительно. Перовскій служилъ нѣкоторое время у московскаго попечителя Голеницева-Кутузова, большого обскуранта, назначенъ затѣмъ былъ въ Харьковъ въ министерство Шишкова, человѣка также невысокаго умственнаго полета и достаточно узкихъ воззрѣній; можно было заранѣе подозрѣвать, что при такихъ яблоняхъ и яблочко должно было сохранить нѣкоторыя своеобразныя специфическія свойства. Документы Харьковскаго университета дѣйствительно подтверждаютъ, что Перовскій, какъ администраторъ, былъ мало похожъ на Антона Погорѣльскаго. А. И. Кирпичниковъ подъ вліяніемъ предвзятаго историческаго оптимизма такъ приукрасилъ Перовскаго: «Нѣтъ сомнѣнія(?), что по своему образованію, жизненному опыту, положенію и многимъ душевнымъ качествамъ Перовскій могъ быть очень хорошимъ попечителемъ: прекрасный классикъ, основательный по тогдашнему психологъ, съ большою наклонностію къ наблюденію, съ независимымъ отъ службы состояніемъ и связями въ Петербургѣ, съ искренней любовью къ молодежи, но безъ преклоненія передъ ея естественными слабостями, выдавшій въ ранней молодости на примѣръ Кутузова, какъ не слѣдуетъ управлять округомъ, узнавшій потомъ лучшую въ то время въ мірѣ школу саксонскую, онъ могъ бы принести много пользы на посту попечителя, даже не проявляя особенной служебной энергіи, (которой, повидимому, не было въ его характерѣ), одною, такъ сказать, энергіей своихъ добрыхъ свойствъ, если бы подольше оставался на мѣстѣ и при дѣлѣ. Но обстоятельства не благопріятствовали Харьковскому округу» (стр. 104).

Въ дѣйствительности Перовскій, при несомнѣнно крупныхъ средствахъ, матеріальныхъ и умственныхъ, на административномъ поприщѣ шелъ какъ, что имя его въ исторической перспективѣ стоитъ ближе къ именамъ такихъ администраторовъ, какъ Коріѣевъ, Филатьевъ, Воронцовъ—Вельяминовъ, чѣмъ къ именамъ Северина Потоцкаго или Фойхта.

Во многихъ мѣстахъ обнаруживается субъективизмъ автора. Такъ, въ одномъ мѣстѣ А. И. называетъ «достойнымъ подражанія» старинный литературный обычай увѣдомлять заблаговременно о переводѣ книгъ (26), въ другомъ—что Кургановъ «вовсе не слѣдовалъ примѣру тѣхъ неблаго-

иныхъ учениковъ—авторовъ, которые въ видѣ рекомендаціи своимъ книжкамъ предпосылають упреки предшественникамъ въ невѣжествѣ и неэлогичности» (45), въ третьемъ—что «для общаго гуманнаго образованія такіа вѣчныя книги, какъ Донъ-Кихоть, Король Лиръ, Макбетъ, даже Дантъ необходимѣе, чѣмъ «Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ» и «Похвальное слово Петру Великому» (395). Личный взглядъ и личный опытъ сквозять въ разсужденіи А. И. Кирпичникова о значеніи самостоятельнаго заработка въ юные годы (50) и въ набросанной картинѣ университетскаго чтенія лекцій (200—201).

А. И. Кирпичниковъ былъ профессоромъ въ трехъ университетахъ: харьковскомъ, новороссійскомъ и московскомъ; въ «Очеркахъ» находятся отголоски его личныхъ симпатій ко всѣмъ тремъ университетамъ, въ особенности, къ московскому, съ которымъ у А. И. было много духовныхъ связей.

Въ Харьковѣ А. И. былъ около 9 лѣтъ, съ значительными перерывами въ ученыхъ поѣздкахъ, въ молодые годы своей дѣятельности, въ положеніи молодого доцента. Въ «Очеркахъ» Харьковскій университетъ отразился очень кратко; въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи выражено сожалѣніе о хронической тѣснотѣ и бѣдности харьковскаго университета. Въ связи съ пребываніемъ въ Харьковѣ и близкимъ знакомствомъ съ проф. А. А. Потебней стоятъ сочувственныя отзывы Кирпичникова о Малороссіи. Въ статьѣ о Перовскомъ А. И. говоритъ: «мягкая природа и проникнутая тихой поэзіей жизнь малороссійской деревни имѣють притягательную силу не для однихъ только уроженцовъ этихъ странъ; часто сѣверянинъ, проживъ нѣкоторое время въ Украинѣ, привязывается къ ней сильнѣе, чѣмъ къ своей суровой и менѣе поэтической родинѣ» (97).

Въ заслугу Перовскаго А. И. ставилъ, что онъ своими литературными произведеніями «возбудилъ въ обществѣ интересъ къ Малороссіи, вскорѣ блистательно оправданный «Вечерами на хуторѣ» Гоголя (120).

Говоря о Малороссіи времени Гоголя, въ періодъ пробужденія въ немъ серьезнаго отношенія къ социальнымъ условіямъ мѣстной жизни, А. И. находитъ, что Гоголя должно было поразить сознаніе, «какъ даровитый и добрый народъ, забывъ свое славное прошлое, коснѣлъ въ лѣтніи и въ невѣжествѣ, подъ гнетомъ безсовѣстныхъ чиновниковъ» (230). Окончаніе въ повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» А. И. поясняетъ словами: «очень скучно и печально; особенно если сравнить настоящее Малороссіи (Гоголевскаго времени), когда правящій классъ ея представляютъ Довгочуны и Перерепенки, съ ея героическимъ прошлымъ».. (230).

«Русскій народъ, говоритъ А. И. въ другомъ мѣстѣ (219), какъ и всякій народъ, играющій видную роль въ исторіи, сложился изъ многихъ элементовъ, изъ многихъ племенъ. Но *главныхъ* составныхъ частей въ немъ двѣ, *главнымъ* образомъ его составили два племени, одинаково способныя и одинаково историческія, взаимно дополняющія другъ друга; это дѣловитые, энергичные, закаленные въ борьбѣ съ своей суровой природой великороссы и мечтательные, пѣвучіе, болѣе мягкіе и впечатлительные малороссы. До Гоголя наша литература была почти исключительно великорусской; Гоголь съ любовью и въ то же время съ полной правдивостью живописалъ Малороссію. Такимъ образомъ онъ способствовалъ разрѣшенію великой исторической задачи: взаимному пониманію и благодѣтельному объединенію двухъ половинъ русскаго народа».

Одесская профессура въ значительной степени содѣйствовала развитію въ Кирпичниковѣ наклонности къ изученію Византіи. Въ «Очеркахъ» Одесса мало отразилась. Видно только, что А. И. былъ невысокаго мнѣнія объ умственной жизни Одессы и въ значеніи русскаго города противопоставилъ ей въ статьѣ о Григоровичѣ сравнительно скромный и бѣдный Елисаветградъ, какъ городъ «свободный отъ пшеничнаго, коммерческаго духа полуиностранный Одессы» (205). Проработавъ нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, проф. Кирпичниковъ, однако, вложилъ много личнаго труда въ развитіе мѣстныхъ умственныхъ интересовъ и заинтересовался исторіей умственнаго развитія Одессы, что выразилось въ значительной по размѣрамъ статьѣ по поводу празднованія столѣтняго юбилея города.

Москвичъ по рожденію, А. И. Кирпичниковъ имѣлъ всегда особенно сильное тяготѣніе къ Москвѣ, къ московскому университету. «Уроженецъ московскаго округа, воспитанникъ московскаго университета 60-хъ годовъ, я»..., говоритъ А. И. Кирпичниковъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Очерковъ», какъ бы выдвигая свои московскія симпатіи. «Незабвенные учителя наши, Буслаевъ и Тихонравовъ» — замѣчаетъ онъ черезъ нѣсколько строкъ (206). Въ приложеніи къ Буслаеву А. И. нѣсколько разъ въ «Очеркахъ» употребляетъ эпитеты «незабвенный», «дорогой».

Статьи А. И. о Буслаевѣ и Григоровичѣ, вошедшія въ «Очерки», въ значительной доли автобіографичны.

Первая статья начинается такимъ прочувствованнымъ вступленіемъ:

«Счастливъ тотъ, кто наслаждается хорошей музыкой, хорошей картиной, хорошей книгой; но всѣхъ счастливѣе тотъ, кто наслаждается обществомъ истинно хорошаго человѣка. Такимъ счастьемъ наслаждался я, говоритъ А. И., много, много лѣтъ въ обществѣ Федора Ив. Буслаева, которому я безконечно обязанъ не только какъ учителю, но и какъ че-

мнѣ, и у меня осталось столько драгоценныхъ о немъ воспоминаній, что ихъ хватитъ мнѣ на всю мою остальную жизнь».

Уже эти строки всецѣло автобіографичны. Они связываютъ А. И. Кирпичникова неразрывными узами съ такимъ выдающимся и заслуженнымъ дѣятелемъ русской науки, какъ О. И. Буслаевъ.

Чисто автобіографическое значеніе имѣютъ слѣдующія мѣста въ «Очеркахъ»:

«36 лѣтъ назадъ, 1-го апрѣля 1861 года, я 16-лѣтнимъ юношей вступилъ въ первый разъ въ стѣны Московскаго университета»... (173 стр.), и затѣмъ слѣдуютъ подробности о пріемныхъ дняхъ по пятницамъ у Буслаева, о научныхъ занятіяхъ студентовъ у него на дому по вторникамъ и воскресеньямъ, о пользованіи богатой библіотекой Буслаева, объ обѣдѣ, устроенномъ Буслаеву студентами.

Буслаевъ пригласилъ къ себѣ А. И. Кирпичникова, въ бытность его студентомъ, репетировать его единственнаго сына по латыни и самъ назначилъ ему весьма выгодную для бѣднаго юноши плату. «Такимъ образомъ, говоритъ А. И., я вошелъ въ постоянныя сношенія съ любимымъ профессоромъ и могъ, сколько угодно, пользоваться его совѣтами и библіотекой... Близкое общеніе съ такимъ выдающимся ученымъ не могло не оказать на меня сильнаго и благотворнаго вліянія и, что важнѣе всего, ввело меня, такъ сказать, въ лабораторію его работъ».

Буслаевъ поддерживалъ Кирпичникова на первыхъ шагахъ его ученой дѣятельности и, въ виду его колебаній, укрѣпилъ въ немъ рѣшимость держать магистерскій экзаменъ. Занятіе ученой кафедрой А. И. приписываетъ «неизмѣнной добротѣ и настойчивости» Буслаева.

Много автобіографическаго находится въ заключительной характеристикѣ Буслаева. Кирпичниковъ прямо говоритъ здѣсь о подражаніи и, несомнѣнно, нѣкоторыя лучшія стороны Буслаева были для него предметомъ подражанія, по крайней мѣрѣ, въ молодости, во время пребыванія въ Харьковскомъ университетѣ.

«Въ исторіи русскихъ университетовъ, по словамъ А. И. Кирпичникова, имя Буслаева будетъ сіять вѣчнымъ блескомъ, какъ имя образцоваго и вліятельнаго профессора, духовнаго родоначальника многихъ поколѣній профессоровъ, который идеально честно относился къ своимъ ученымъ и преподавательскимъ обязанностямъ, который, при высокомъ пониманіи своей просвѣтительной миссіи, огромныхъ знаній и талантъ, былъ безусловно свободенъ отъ ученой гордости и педантизма и отли-

чался поразительной скромностью, гуманностью и терпимостью, который на университетскую молодежь смотрѣлъ не только, какъ на объектъ своей дѣятельности, а какъ на семью свою, какъ на дорогихъ товарищей, любовь которыхъ нечестно заискивать лестью и потворствомъ, но необходимо пріобрѣтать прямою, сердечнымъ участіемъ и готовностью жертвовать личными интересами въ пользу общую. Трудно, почти невозможно многочисленнымъ ученикамъ Буслаева, разсѣяннымъ по всему лицу земли русской, подражать Буслаеву ученому, этому богатырю науки. Но они нравственно *обязаны* подражать Буслаеву профессору въ его горячей любви къ дѣлу и къ молодежи, въ его готовности полагать «душу свою за други своя».

Всѣ эти сужденія характерны для самого А. И. Кирпичникова, въ особенности въ приложеніи къ эпохѣ пребыванія его въ Харьковскомъ университетѣ въ началѣ 70-хъ годовъ.

Мнѣ лично пришлось нѣсколько разъ видѣться съ Буслаевымъ, въ разные періоды его жизни, въ первый разъ, по рекомендаціи А. И. Кирпичникова. При первомъ знакомствѣ О. И. Буслаевъ называлъ меня своимъ внукомъ въ научномъ отношеніи по Кирпичникову, котораго онъ считалъ своимъ духовнымъ сыномъ.

Кирпичниковъ, подобно Буслаеву, честно относился къ своимъ ученымъ и преподавательскимъ обязанностямъ. «Онъ дорожилъ успѣшностью лучшихъ своихъ слушателей студентовъ и всячески содѣйствовалъ имъ совѣтами, книгами».

Буслаевъ, при огромныхъ знаніяхъ и талантѣ, былъ безусловно свободенъ отъ ученой гордости и педантизма», и Кирпичниковъ отличался доступностью; во время пребыванія своего въ Харьковѣ онъ стоялъ близко къ студентамъ, на которыхъ смотрѣлъ, «какъ на дорогихъ товарищей» (175—195).

Въ статьѣ о В. И. Григоровичѣ находятся любопытныя личныя воспоминанія Кирпичникова о своемъ московскомъ студенчествѣ, о первыхъ шагахъ въ ученой подготовкѣ, въ значительной степени по статьямъ Григоровича, рекомендованнымъ Буслаевымъ.

Московскими симпатіями А. И. Кирпичникова объясняется замѣтное предпочтеніе къ занятію по такимъ литературнымъ вопросамъ, которые связаны съ Москвой, характеристика московской жизни по «Горе отъ ума», «Война и миръ», о «Моск. Вѣд.» 1789 г. Вся статья о Пушкинѣ во 2-й части «Очерковъ» построена на стремленіи опредѣлить его отношенія къ Московскому университету.

Въ «Очеркахъ» разбросано нѣсколько указаній на личныя знакомства А. И. Кирпичникова изъ круга тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался за совѣтами или за справками.

Чаще всего и болѣе всего упоминается О. И. Буслаевъ (173—195); въ одномъ мѣстѣ упоминается давній другъ уважаемый профес. Харьковского университета А. С. Лебедевъ (102), въ другихъ В. И. Сантовъ (99), С. Н. Шубинскій (77) съ признательностью за оказанное содѣйствіе.

Изъ отдѣльныхъ историко-литературныхъ подробностей, имѣющихъ въ приложеніи къ А. И. Кирпичникову автобіографическое значеніе замѣчательны слѣдующія:

Въ статьѣ о В. А. Жуковскомъ Кирпичниковъ говоритъ, какъ смотрѣли на Жуковского его учителя въ гимназій и какъ 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ въ 3 классѣ гимназій онъ увлекся Жуковскимъ. «Послѣ лѣта, когда я впервые раскрылъ стихотворенія Жуковского, говоритъ Кирпичниковъ, я уже, по возможности, не разставался съ ними и хотя позднѣе и подвергался, конечно, другимъ болѣе сильнымъ и глубокимъ вліяніямъ, все же безконечно благодаренъ ему, какъ одному изъ первыхъ и одному изъ самыхъ добрыхъ своихъ воспитателей» (123).

Въ статьѣ о Писемскомъ Кирпичниковъ упоминаетъ вкратцѣ о своемъ личномъ съ нимъ знакомствѣ въ 70-хъ годахъ: «видѣлъ его, говоритъ Кирпичниковъ о Писемскомъ, и въ мрачныя, и въ свѣтлыя минуты; всегда поражалъ онъ меня ясностью своего ума, силою своего рѣзкаго, чисто народнаго остроумія. Но всегда послѣ бесѣды съ нимъ получалось въ общемъ тяжелое, тоскливое чувство. Нельзя было не сознавать, что это —остатки былого величія»... (380).

Нельзя еще не остановиться на интересномъ отзывѣ Кирпичникова о знаменитой рѣчи Достоевскаго о Пушкинѣ: «Я слышалъ эту рѣчь, и я вмѣстѣ съ толпою безумствовалъ отъ восторга. Черезъ нѣсколько недѣль, прочитавъ эту рѣчь въ печати, я значительно разочаровался въ ней: нашелъ въ ней преувеличенія, неосуществимыя мечтанія, нѣсколько громкихъ фразъ. Но теперь, черезъ 12 лѣтъ, я горжусь своимъ безграничнымъ восторгомъ и стыжусь своей близорукой и придиричливой критики. Что за дѣло до частныхъ, когда общее такъ хорошо? Теперь видимъ ясныя благія послѣдствія этого великаго момента примиренія и объединенія всего, что было на Руси лучшаго и идейнаго»...

II.

Настоящая глава не имѣетъ характера некролога; некрологъ былъ напечатанъ нами уже въ № 7720 «Южнаго Края». Нѣтъ здѣсь ни біо-

графіи покойнаго профессора, ни изслѣдованія его научной дѣятельности. Тутъ всего два, три личныхъ воспоминанія, отчасти обрисовывающія личный характеръ А. И. Кирпичникова. Лишними они не могутъ быть, такъ какъ въ нихъ до нѣкоторой степени сохраняются отблески прежней жизни. Меня смущаетъ, что мнѣ приходится дѣлать ссылки на свое студенчество, что здѣсь слишкомъ много моего личного участія, но да будетъ въ данномъ случаѣ прощень этотъ субъективизмъ, въ значительной степени невольный съ моей стороны и необходимый по существу дѣла.

Въ моемъ умѣ прежде всего проносится кабинетъ или библіотека Кирпичникова, богатое и цѣнное книгохранилище, во многомъ замѣнявшее и восполнявшее университетскую библіотеку. Тутъ были собраны лучшія новѣйшія изданія средневѣковыхъ и новыхъ литературныхъ памятниковъ и лучшія о нихъ новѣйшія изслѣдованія.

Въ моемъ умѣ мелькаетъ далѣе гостиная въ семейной, чайной обстановкѣ, проносятся наши маленькія университетскія аудиторіи, съ горстью, какъ всегда, малочисленныхъ студентовъ-филологовъ.

Ласковый и гостепріимный А. И. охотно вводилъ своихъ слушателей въ кругъ домашней обстановки. Первая супруга А. И. Кирпичникова—Софья Богдановна, скончавшаяся въ Харьковѣ, была доброй, отзывчивой женщиной. Всегда она была въ хлопотахъ съ какой-нибудь благотворительной цѣлью, то устраивала танцевальный вечеръ, то снабжала какую-нибудь бѣдную женщину мелкой галантереей и направляла торговать къ своимъ знакомымъ. На журъ-фиксахъ въ гостиной Кирпичниковыхъ собирались люди самыхъ разнообразныхъ направленій и убѣждений; гостепріимные хозяева ко всѣмъ были одинаково любезны. Какъ москвичка, С. Б. любила поправлять своихъ харьковскихъ гостей въ особенностяхъ произношенія. Къ проявленіямъ особенностей мѣстнаго говора А. И. Кирпичниковъ относился вполне благодушно; но С. Б. была всегда на сторожѣ и не пропускала безъ замѣчаній такихъ харьковскихъ выраженій, какъ «дѣти играютъ» или «смѣяться съ кого-нибудь».

По поводу лекцій Кирпичникова у меня въ бытность мою на 3-мъ курсѣ вышло рѣзкое столкновеніе съ нѣкоторыми товарищами. Третій и четвертый курсы филологовъ слушали лекціи совмѣстно, всего около 10 человекъ. Кирпичниковъ, кромѣ общаго обязательнаго курса по исторіи всеобщей литературы, открылъ еще необязательныя лекціи по италіанскому языку. Эти лекціи были тѣмъ болѣе кстати, что лектура италіанскаго языка въ университетѣ въ то время не была занята, и самъ Кирпичниковъ собирался приступить къ чтенію о Дантѣ.

Въ то время, какъ на одной изъ первыхъ лекцій Кирпичниковъ писалъ на доскѣ грамматическія формы, а я съ товарищами вносили ихъ въ записныя тетради, всталъ одинъ изъ студентовъ 4-го курса и заявилъ, что, по общему рѣшенію студентовъ, онъ проситъ о прекращеніи лекцій по итальянскому языку, слушать которыя студенты не желаютъ. Кирпичниковъ отвѣтилъ, что лекціи эти необязательны, и студенты, нежелающіе, могутъ не посѣщать. Я поднялся и заявилъ, что никакихъ общихъ соглашеній не было, что я лично слушаю лекціи по итальянскому языку съ пользою и удовольствіемъ, и впредь буду, въ случаѣ продолженія, ихъ тщательно посѣщать. По выходѣ Кирпичникова изъ аудиторіи произошла жестокая перебранка; лекціи продолжались однако безъ перерыва и были посѣщаемы большинствомъ, которое, какъ я и предполагалъ, оказалось вовсе не опрошеннымъ, и не было расположено къ отказу.

По окончаніи курса наукъ въ университетѣ въ 1875 г., я былъ оставленъ при университетѣ А. И. Кирпичниковымъ, при такой заботливости со стороны профессора, которая очень рѣдко встрѣчается. Кирпичниковъ въ то время самъ еще былъ молодымъ доцентомъ; его служебное положеніе было неустойчиво; въ факультетѣ у него было много враговъ среди вліятельныхъ профессоровъ, составлявшихъ партію большинства. Кто другой взялъ бы на себя, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, еще хлопоты по оставленію при университетѣ молодого человека, не имѣвшаго никакой опоры въ мѣстномъ обществѣ? а А. И. взялъ на себя эти хлопоты и добровольно осложнялъ ихъ, привлекая меня къ изученію старо-французскаго и старо-нѣмецкихъ языковъ.

Въ первый годъ по окончаніи курса меня постигла тяжкая болѣзнь, съ крайнимъ упадкомъ силъ. Кирпичниковъ посоветовался съ уважаемымъ врачомъ, лѣчившимъ меня, однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по внутреннимъ болѣзнямъ, и услышалъ отъ него мрачныя предсказанія, что мое положеніе плохо, и что мнѣ не протянуть болѣе двухъ лѣтъ. А. И. Кирпичниковъ сказалъ мнѣ объ этомъ много лѣтъ спустя, когда я занималъ уже каѳедру. Въ то же время онъ не показалъ и виду, что получилъ обо мнѣ такія свѣдѣнія, и въ одинъ голосъ съ врачомъ совѣтовалъ полѣчиться за границей—въ Меранѣ или Эмсѣ; онъ старался поднять мой упавшій духъ и поддержать надежды... Я уѣхалъ въ Германію. Поѣздка эта имѣла для меня весьма благотворное значеніе, и въ моемъ сердцѣ навсегда сохранится благодарность обоимъ врачамъ—физическому, нынѣ еще здравствующему, и духовному, памяти котораго посвящаются настоящія замѣтки.

По возвращеніи изъ-за границы я отправился въ Москву и въ Петербургъ для подготовки къ магистерскому экзамену. А. И. поручилъ мнѣ сдѣлать для него выписки изъ нѣкоторыхъ старославянскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ и въ библіотекѣ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ отъ А. И. указанія, къ кому обратиться и у кого поучиться, съ соотвѣтствующими разъясненіями. Такъ, относительно Ѳ. И. Буслаева было сказано, что если я попаду къ нему въ неприемный день, то горничная скажетъ, что барина дома нѣтъ, но чтобы я не слушалъ ее, и сказалъ, что Ѳ. И., дома, и я имѣю къ нему порученіе. Этотъ предусмотрительный совѣтъ оправдался. Буслаевъ, по словамъ горничной не бывшій дома, принялъ меня очень ласково какъ своего «внука» въ научномъ отношеніи, («сыномъ» онъ считалъ Кирпичникова), и тутъ же ознакомилъ меня съ своей богатой библіотекой, въ частности съ цѣлымъ шкафомъ книгъ съ старинными западно-европейскими и русскими произведеніями въ духѣ Домостроя.

Въ 70-хъ годахъ въ Харьковскомъ университетѣ короткое время приватъ-доцентомъ по латинскому языку былъ Андреевскій. Кончилъ онъ года на два ранѣе меня, причемъ на 4-мъ курсѣ былъ единственнымъ слушателемъ. Это былъ сухощавый молодой человѣкъ, весьма высокаго роста, сильный брюнетъ, добродушный, съ большой наклонностью къ юмору. Онъ любилъ пошутить, пустить въ ходъ игру словъ. Товарищи хорошо знали эту особенность Андреевскаго и прощали ему безобидныя шуточки и остроты. Начавши чтеніе лекцій по латинскому языку, Андреевскій, по старой привычкѣ, и къ своимъ молодымъ слушателямъ сталъ иногда примѣнять юмористическіе приемы; но тутъ вышло столкновение; студенты обидѣлись и заявили Андреевскому о своемъ неудовольствіи. Андреевскій также слишкомъ поспѣшно обидѣлся и ушелъ изъ аудиторіи до окончанія лекціи, — инцидентъ совсѣмъ пустой; хорошій деканъ уладилъ бы его мигомъ, сблизивъ неопытнаго преподавателя съ его юными слушателями. Но этотъ инцидентъ понадобился нѣкоторымъ университетскимъ дѣльцамъ для личныхъ счетовъ и былъ раздутъ искусственно. Бывшій тогда попечитель генералъ Максимовскій былъ запуганъ своими ближайшими университетскими совѣтниками и приказалъ прекратить на время лекціи Андреевскаго. Какъ разъ въ это время остановился въ Харьковѣ для осмотра среднихъ учебныхъ заведеній А. И. Георгіевскій. Ему поспѣшили донести, что въ университетѣ среди филологовъ волненіе, и что студенты, по моему паущенію, возстали противъ Андреевскаго. Я лично былъ съ Андреевскимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, студенты у

насъ были разные, читали мы на разныхъ отдѣленіяхъ, Андреевскій на классическомъ, я—на славяно-русскомъ, и позже всѣхъ товарищей я узналъ объ этомъ инцидентѣ. Выручила меня счастливая случайность. А. И. Кирпичниковъ былъ хорошо знакомъ съ А. И. Георгіевскимъ и при свиданіи разъяснилъ дѣйствительное положеніе дѣла.

На моемъ магистерскомъ диспутѣ официальными оппонентами были А. А. Потебня и А. И. Кирпичниковъ, Потебня напечаталъ свои возраженія въ Рус. Филол. Вѣстн., Кирпичниковъ—въ Журн. Мин. Нар. Просв.

Затѣмъ я принялся за докторскую диссертацию. Темой была избрана юго-западная литература половины XVII ст. А. И. Кирпичниковъ подгонялъ меня представить диссертацию, въ виду готовившагося новаго устава 1884, къ которому А. И. относился очень недовѣрчиво. Къ сожалѣнію, я не внялъ этому мудрому предостереженію и цѣлыхъ четыре года уложилъ на учительство въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Съ докторской диссертацией я поспѣлъ въ годъ введенія новаго устава, въ самый разгаръ университетской ломки; мрачныя предсказанія А. И. сбылись. Диссертация, не давши мнѣ никакихъ правъ, причинила мнѣ много огорченій. Это давняя исторія; и теперь можетъ быть оглашена и раскрыта. Диссертация была факультетомъ одобрена: назначенъ былъ диспутъ; вдругъ университетское начальство въ лицѣ бывшаго тогда ректора И. П. Щелкова объявило мнѣ, что не можетъ дать аудиторію изъ опасенія студенческихъ волненій. Разгадка пришла вскорѣ, въ письмѣ А. И. Кирпичникова, который былъ въ это время въ Петербургѣ. По особымъ внушеніямъ изъ Харькова со стороны проф. Безсонова министръ народнаго просвѣщенія П. Д. Деляновъ передалъ мои изслѣдованія о Барановичѣ и Галатовскомъ «на разсмотрѣніе академику и профессору К. Н. Бестужеву-Рюмину и спросилъ мнѣніе другого академика, директора Императорской Публичной Библіотеки А. О. Бычкова. И Бестужевъ, и Бычковъ, писалъ А. И. Кирпичниковъ, не нашли въ вашей диссертации ничего противозаконнаго». Кирпичниковъ отъ себя лично и отъ Л. Н. Майкова настойчиво совѣтовалъ мнѣ не брать диссертации назадъ и защищать ее непремѣнно въ Харьковѣ. Это было въ письмѣ отъ 3 декабря 1884 г. и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 31 января, А. И. писалъ: «Не подавайте другой диссертации, а жалуйтесь... Это мнѣніе не меня одного, но и такихъ солидныхъ и правительственныхъ лицъ, какъ Л. Майковъ и Бычковъ». Перомъ земля надъ этими дорогими для меня покойниками! Вскорѣ сошелъ въ могилу Бестужевъ, и я не могъ даже лично поблагодарить его, за нимъ Бычковъ, Майковъ, Кирпичниковъ. Дорогія тѣни! вамъ я обязанъ тѣмъ, что, при всѣхъ препонахъ, достигъ каеэдры, и уцѣлѣлъ

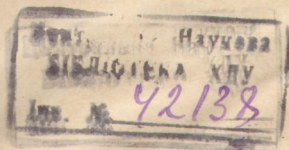
при университетской ломкѣ того времени. Гдѣ ужъ тамъ было жаловаться и наставлять! Все тогда сжималось, и мнѣ нужно было сжаться. Я взялъ диссертацию назадъ и черезъ четыре мѣсяца представилъ другую, которую и защитилъ благополучно въ томъ же Харьковскомъ университетѣ и въ той же аудиторіи, гдѣ ранѣе было уже мною защищаемо двѣ диссертации. Поступить пришлось многимъ, но сохранено было главное—сохранена связь съ роднымъ университетомъ и вѣра въ людей правды и добра.

У меня сохранилось 9 писемъ А. И., большихъ и содержательныхъ. Опубликованіе ихъ теперь несвоевременно, по личному характеру. Но я не могу удержаться, чтобы не привести два—три отрывка, ярко обрисовывающихъ живую, любознательную и въ высшей степени работоспособную натуру покойнаго ученаго.

«Не смотря на разныя отвлеченія въ сторону, не смотря на тяжелое состояніе духа (естественное для пишущаго вторую диссертацию), я ближусь къ концу своего Георгія, писалъ мнѣ А. И... Покончивъ съ Георгіемъ, я намѣренъ удрать за границу, прежде всего въ Лейпцигъ и по старому проработать тамъ семестръ, чтобы стряхнуть съ себя петербургскую департаментскую пыль (А. И. служилъ только временно при Мин. Нар. Просв.); отсюда на мѣсяць надѣюсь съѣздить въ Лондонъ поработать въ библіотекѣ: подготовить курсъ, если будетъ для кого (А. И. собирался вернуться въ Харьк. университетъ)»...

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ А. И. писалъ: «Я уже въ Лейпцигѣ, впрочемъ всего 3-й день.... Въ Лейпцигъ я бѣжалъ (впрочемъ, какъ подобаетъ петербуржцу, на казенный счетъ), во 1) чтобы освѣжиться на нѣмецкихъ лекціяхъ (иной, пожалуй, найдетъ страннымъ такой способъ освѣженія, но ужъ я такъ воспитанъ), а во 2-хъ непременно покончить съ сильно надоѣвшимъ мнѣ Георгіемъ. Въ Лейпцигѣ я просижу долго, отсюда проѣду въ Лондонъ поработать исключительно въ Британскомъ Музеѣ. Харьковъ представляется мнѣ, какъ островъ феи Маріаны, если мнѣ только суждено послѣ многихъ мытарствъ возвратиться на милую для меня каеэдру.... Если моя уже порядкомъ побитая ладья минуетъ подводныя скалы и бури.... съ какимъ удовольствіемъ буду я отдыхать въ Лопанской гавани»... Судьбѣ угодно было направить А. И. въ Новороссійскій университетъ, вмѣсто Харьковскаго, гдѣ, однако, осталось немало слѣдовъ благотворной дѣятельности А. И. Кирпичникова въ 70-ые годы его пребыванія профессоромъ по каеэдрѣ исторіи всеобщей литературы.

Среди въ наиболее плодотворныхъ просвѣтительныхъ и ученыхъ учреждений А. П. представляется учрежденіе Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Первые моменты его зарожденія оставались въ туманѣ, и судить о нихъ приходилось по преданіямъ. Но вотъ—перечитавъ недавно письма А. П., я нашелъ одно, весьма цѣнное въ этомъ отношеніи, документально разрѣшающее вопросъ о первыхъ учредителяхъ и основателяхъ Общества. «Идея и инициатива (учрежденія И. Ф. Общ.), писалъ мнѣ А. П. 10 ноября 1893 г., принадлежитъ мнѣ на половину: мы прѣхали въ Харьковъ и начали дѣйствовать вдвоемъ съ стариннымъ товарищемъ и добрымъ другомъ Мариномъ Степановичемъ (Дриновымъ); мы нашли въ Харьковѣ благосклонный пріемъ и, такъ сказать, почву, благодаря нашему старинному пріятелю Амфіану Степановичу (Лебедеву). Проектъ устава, сколько помню, писали мы вмѣстѣ съ Мариномъ Степановичемъ. Учрежденіе Общества никакъ не могло бы состояться, если бы къ его идеѣ не отнесся съ теплымъ участіемъ деканъ Н. А. Лавровскій»...

1
0
1
1
1
С

В
Д
Н
О
С
О
М
М
Д.
По
ВТ
ВО
НО
70
ЛЛ

